

1. ЧРЕВО КИТА

Высокий темноволосый человек стоял на носу гондолы и всматривался в белесую дымку. Гондола цвета запекшейся крови бороздила мутные воды Мокрого мира. Нос лодки изгибался слоновьим хоботом, его венчала причудливая лампа в форме кристалла. Свечение разгоняло ранние сумерки. За спиной брюнета, на миделе и корме, двое кряжистых гондольеров без устали орудовали веслами. Они не спали, не ели и не разговаривали с тех пор, как лодка покинула Полис.

Брюнет был худ и внешне отличался от жителей Оазиса, сплошь упитанных и разнеженных. Но черный сюртук, пошитый из дорогого атласа, черные брюки и шляпа с пером указывали на то, что и рыбаком Кольца он не являлся. Своим орлиным носом и бледным каменным лицом он напоминал украшение быстроходной гондолы, кормовую статую. Он замер, словно оцепенев, лишь забранные в косичку на такотский манер волосы шевелились от удушливого ветра, да шпага в ножнах легко постукивала по бедру.

Шею мужчины обвила живая ласка. Черные глазки животного смотрели туда же, куда и хозяин. Шерсть серебрилась в свете лампы.

Три дня плыли они мимо лесистых берегов и ощетинившихся горельником скал, мимо утесов и мраморных великанов, по колено стоящих в омуте. Меж ног покалеченных колоссов, сквозь усеянные фальшивым жемчугом врата, под беззвездным небом. Так долго, что сады и фонтаны Оазиса

казались миражом, а лачуги Кольца — раем по сравнению с тем, что представало перед путниками.

Мужчину звали Георг Нэй, и одно это имя отворяло двести дворцов, заставляло нервничать придворную рать, внушало страх врагам Сухого Города. Мальчишки дрались за право называть себя Георгом Нэем в играх, а гувернантки герцога Маринка томно вздыхали, представляя его серые глаза и ловкие руки.

Нэй был одним из тринадцати колдунов Полиса, но, если его коллеги предпочитали прятаться в пыльных колодцах, упиваясь старинными манускриптами, и изредка, по приказу вельмож, выбираться на поверхность, то Нэя угнетал затхлый воздух подвальных библиотек. Колдуны, точно слепые кроты, копошились в тоннелях под башнями, производили для милорда золото, искали способы защитить крепость от кракенов или просто дрыхли, как устранившиеся от дел Четверо Старых во главе с достопочтенным Улафом Усом. Нэй рубил кракенов клинком, золото тратил на усовершенствование гондолы и навещался в покои к герцогу как к себе домой.

Но и его, могущественного Нэя, обуревала тревога. Ветер окроплял лодку моросью. Низкие тучи кочевали над дырявыми кровлями и закопченными печными трубами. Там, где еще весной кипела жизнь, теперь жужжали насекомые и гнездились двуглавые аисты. Тьма заползла в дома и погасила камельки. Деревня опустела. Тоскливо плескалась вода, омывая сваи, жирные бобы отдыхали на ступенях заколоченной таверны.

За два дня Нэй не встретил ни единой живой души. Только плоты с забинтованными покойниками плыли вниз по течению.

В пелене промелькнули летучие мыши.

Три заклятия творил колдун одновременно: отгонял комаров, управлял гондольерами и слушал Вийона. Он хотел бы применить и четвертое: погасить в себе все низменное,

1. ЧРЕВО КИТА

человеческое, но даже он, ученик Уильяма Близнеца, был не способен контролировать больше трех магических процессов разом.

Скоро, — прошелестел голос в черепной коробке Нэя. Это ласка послала ему сигнал. Зверек заерзал, забил хвостом по плечу хозяина. Подергал треугольной мордочкой.

Приготовься.

Нэй прикоснулся к эфесу шпаги. Расстегнул клапан прекрасной кожаной кобуры — подарка от особо горячей вдовы.

Впереди из дымки медленно выступало темное продолговатое пятно.

Это они, — сообщила ласка.

Вернее, существо, внешне напоминающее ласку, Вий-он, его компас за стенами крепости.

Пятно зыбко меняло очертания, становясь хлипкой джонкой с бамбуковой мачтой. Прямоугольный парус, утяжеленный вшитыми в ткань латами, вяло шевелился под сбивчивым дыханием ветра. Туман окуривал рангоут, надстройку и три фигурки на борту.

Нэй отдал команде беззвучные распоряжения. Багровая гондола поравнялась с парусником. Взор колдуна зафиксировал печать речников на борту. Впрочем, такую печать ставили за минуту в браконьерских поселках.

Люди, машущие ему, не были похожи ни на браконьеров, ни на пиратов. Коротышки в аляповатых ханьфу, с костяными гребешками в хитроумных прическах. Нэй не расслаблялся, присматриваясь к широким рукавам курток. Особенно его интересовал сидящий у надстройки старичок, такой безмятежный, раскачивающийся болванчиком. Глупые подобострастные улыбки застыли на физиономиях коротышек.

Колдун мысленно отпустил нити заклинаний. Его гондольеры обмякли, ласка соскользнула с плеча и скрылась под скамьей, комары загудели алчно.

— Приветствую, — сказал Нэй на речном языке. Пальцем он нарисовал в воздухе знак тайной полиции. Знак

полюхнул зеленым и рассеялся. Коротышки уважительно заблеяли. Старик отвешивал поклоны и таращил глаза.

— Назовите себя.

— Мы торговцы, господин,— хором зачастила парочка.— Мы возьем рыболовные снасти, непромокаемые спички и червей.

— У вас есть разрешение на торговлю волшебными предметами? — строго спросил Нэй и перебрался на борт парусника.

— Наш товар не волшебный, господин. Это обыкновенные снасти и обыкновенные черви.

Старичок кланялся быстрее и быстрее. Пот тек по его вискам. Мотылек размером с ладонь впорхнул в свет горящих у надстройки ламп.

— Обыкновенные речники,— промолвил Нэй,— с обыкновенным товаром.

Коротышки яростно закивали. От улыбок их губы побелели, заплетенные в косы бородки мотались маятниками.

— Здесь произносилось заклятие,— безошибочно определил Нэй.

Мотылек кружил над коническими шляпами коротышек.

— Обыкновенное заклятие,— пропищали речники в унисон,— для попутного ветра.

Мотылек спикировал к речникам, расправил длинный хоботок с крючком на конце... и вдруг ретировался в панике, ударяясь о парус.

Нэй ухмыльнулся. Неспешно вынул из сюртука плотный пузырь с мерцающей внутри коричневатой жидкостью. И швырнул его под ноги коротышкам. Пузырь лопнул, дымка заволокла корабль. Шпага сверкнула в руке Нэя.

Противник не мешкал. Коротышка прыгнул из-за завесы. Маска его испарилась, явив истинный, покрытый чешуей лик. Желтые глаза рассекал вертикальный зрачок. Костяные наросты топорщились на облысевшем черепе. На

1. ЧРЕВО КИТА

Нэя скалился адепт Змеинового Клана, мерзейшей из многочисленных сект Реки.

Ядовитая игла целила в грудь колдуна. Раздвоенный язык лизал клыки. Нэй отбил атаку и сделал грациозный выпад. При всей гнусности клановцы были довольно тупы и неповоротливы. Клинок погрузился в дряблое горло твари. Зловонная жижа брызнула из раны. Повторный удар распорол глотку от уха до уха. Заливаясь желтой кровью, коротышка повалился на пайол.

Джонка дымилась, как погребальное судно северян. Нэй вертелся вокруг своей оси.

— Именем Порядка, — чеканил он, — именем Гармонии, за вторжение на территорию Полиса, за обман и воровство я приговариваю вас...

Он почуял опасность затылком. Крутанулся на носках. Шпага выбила иглу из лапы второго коротышки. Вильнула, разрезая чешуйчатую плоть. Сталь чиркнула о ребра.

— К смерти, — сказал Нэй, пронзая черное сердце клановца.

Труп упал за борт. Река приняла подношение. Ветер растащил клочья дыма. У надстройки как заведенный кланялся старичок.

Любопытный Вийон высунулся из-под лавки и следил за хозяином.

Нэй жестом оградил себя от разъяренных комаров. Подошел к старичку и вырвал костяной гребень, освобождая космы. Волосы распались, из седых стремительно становясь каштановыми. Вместо сморщенного азиата перед колдуном сидела юная и весьма симпатичная особа. Испуганные глаза, искусанные губы, руки, связанные шелковым шнурком. Нэй аккуратно перерезал путы и снял печать молчания.

— Сухие мощи! — воскликнула пленница. — Я думала, что задохнусь.

На вид ей было лет восемнадцать. Слишком взрослая по меркам Кольца, чтобы оставаться незамужней. Но мизинцы

и мочки ушей были не срезаны, а значит, отец-рыбак — единственный, кто ждал ее в Полисе.

«Странно, — отметил Нэй, — рыбацкая молодежь охотно берет в жены горбуний и карлиц. Чем не угодили им эти мягкие щеки и пухлый рот?»

А из пухлого рта тем временем сыпались проклятия. Туфельки колотили по мертвому клановцу.

— Гад! Змееныш! Касался меня своими липкими пальцами! Превратил в старика!

— Успокойся, — велел Нэй. Он заглянул в бамбуковую надстройку и сразу отпрянул. Заклятие, маскирующее запаха, прекратило действовать, груз джонки смердел, как трюмы Всеядного Братства. Переплетенные щупальца, тухлый жерех, панцири раков и позеленевшие рыбы кишки. Пища падальщиков.

— Святые сети! — шумела девушка. — Мне теперь не отмыться! Я провоняла этой дрянью.

Она тряхнула роскошной гривой. Таким волосам позавидовали бы во дворце Маринка. А ведь обычно девицы Кольца ходили с немывтыми измочаленными космами, пахли ненамного лучше джонки, и их руки были в мозолях и язвах от тяжелого труда.

Нэй доверял Вийону, но перестраховался, спросив:

— Ты — Лита? Лита, дочь Альпина?

— А кто же еще? — Девушка уставилась на одеяния спасителя, на широкополую шляпу с пером. — Ты из Оазиса? Придворный колдун?

— Ты прозорлива.

— Разве колдуны Полиса патрулируют в Мокром мире?

— Нет, увы. Я искал тебя.

— Меня? — Лита расхохоталась гортанно. Бог, сотворивший Реку, подарил ей ангельскую внешность, но пожадничал, наградив смехом донной гиены. — На кой черт высокопоставленному чинуше простушка из Кольца?

— Не бойся, я не альтруист. Твой отец заплатил мне.

1. ЧРЕВО КИТА

Лита ответила новым приступом хохота.

— Что он тебе дал? Дырявые сети? Ракушку? Вы создаете золото из ничего, а мой папаша нищ как портовый пес. Удача покинула Кольцо, чертов Маринк увеличивает налоги ежедневно. Так чем же расплатился этот старый дурак?

Понимание омрачило смазливое личико девицы. Ее губы вытянулись в струну, на виске забились жилка.

— Кулон? Он дал тебе кулон?

— Забавная вещица. Из прежних времен.

— Это все, что осталось от моей матери. Он не мог расстаться с ним.

— Вероятно, твоя жизнь для него дороже бирюлек.

— Бирюлька — это твой детородный орган, — парировала Лита. — Кулон стоит всех доходов Кольца.

Волны били о борт джонки. Вечерело, и летучие мыши ловили в сумерках мотыльков.

— Предлагаю продолжить разговор на моей лодке.

Лита, ворча, перебралась в гондолу. Команда Нэя ожила, послушно заработала веслами.

— Это что, големы? — изумилась девушка.

— Они самые. Не нужно...

Но Лита уже кинулась к гондольеру на миделе и захлопала в ладоши перед непроницаемой плоской мордой.

— Перестань...

Лита потыкала пальчиком в приплюснутый нос голема. Отщипнула кусочек глины.

— Не трогай их! — разозлился Нэй.

— Ой-ой. Какое сокровище — болваны из грязи. А это кто? — Лита переключилась на Вийона. — Какая милая зверушка!

Ужаснувшийся Вийон метнулся к хозяину, вскарабкался на его плечо и оттуда с подозрением изучал наглуую девку.

— Он не милый, — сказал Нэй, — и он не зверушка. Вийон — дух, который помог тебя найти.

— Дух-сурок.— Лита плюхнулась на скамью и приобняла гондольера за колени. В полутьме вырисовывались здания миссии, заиленные, обросшие ракушками. Остов севшей на мель шхуны догнивал у циркульни. Нэй вспомнил свой давнишний визит в недра громадного парома и неприятное знакомство с поселившимся там тритоном.

Закрытие отваживало от гондолы комаров, сомов и аистов, но не туман, липкий, словно обнаруженные на паруснике щупальца неведомого монстра.

— А правда, — спросила Лита, — что клановцы едят людей заживо?

— Байки, — сказал Нэй, располагаясь на носу. Беззастенчивый взгляд простолюдинки был ему непривычен. Жители лачуг прятали глаза, завидев колдунов, страшились проклятий. — Клановцы не питаются свежатиной. Они подождали бы, пока ты сгниешь.

— Они приносят жертвы Речной Змее?

— Девственниц и детей.

Лита передернулась.

— Ладно, — сказала она, глаза на спасителя, — выходит, ты — Георг Нэй. Тот самый убийца кракенов из книжек Джона Бабса?

Джон Бабс был литератором, кропающим биографию Нэя — приукрашенную или вовсе вымышленную.

— Выходит, так.

— Мои подружки от тебя без ума.

Нэй приосанился. Он смотрел на кисти девушки и задавался вопросом: чем думает рыбак Альпин, не приучая дочь к физическому труду? Хочет умереть от голода, раздавленный налогами милорда? Воспитать белоручку? Но его ненаглядная дочурка не гуляет по паркам и скверам Оазиса. Она родилась в Кольце и в Кольце умрет, харкая кровью от туберкулеза. Шестое правило Полиса гласило: «Туберкулез — мудрая болезнь, и лечить его — преступление против Гармонии». Конечно, когда дело касалось

1. ЧРЕВО КИТА

закашлявшего вельможи, придворные лекари могли нарушить закон.

Прямой и открытый взор Литы смущал. Смущали ее вздорные глазница и высокая грудь под домотканым платьем. Нэй прочистил горло:

– Твой отец сказал, что клановцы проникли в Кольцо через дренажные трубы.

– Мой отец соврал. Ему известно, что мерзавцы похитили меня на рифе. Он боится, что нас накажут за неповиновение.

Нэй кивнул. Отплывать за воды Полиса без специального разрешения было строго-настрого запрещено. Даже ему, тайному агенту Маринка. Первое правило системы безопасности.

– И что ты забыла на рифе?

– Слушала музыку.

– Музыку? – Он изогнул удивленно бровь. – Ты имешь в виду вой волчьих кораллов?

– Для человека без ушей – вой. Для меня – мелодия. Красивее тех, что звучат в Оазисе.

– А ты бывала в Оазисе?

– Да, незаконно. Спряталась в телеге с икрой. Эта чертова икра была у меня везде. А ваши пианисты – бесталанные захребетники.

– Тебя не поймали? – откровенно изумился Нэй. Вход в Оазис предварял блокпост, и монокли из Облачного стекла он изготавливал для караула собственноручно. Проворонить безбилетника? Немыслимое разгильдяйство.

– Поймали к вечеру, – легкомысленно заявила Литя. – У отца отобрали лодку.

– Он не бросил тебя на съедение ракам?

– Грозил. Но он слишком мягкосердечен.

– Я заметил. – Нэй неодобрительно захмыкал. – Ты не чистишь рыбу? Не помогаешь своему бедному отцу?

— Чищу, — сказала Лита, — точнее, наши коты чистят ее за меня.

— Ты заколдовала животных?

— Надрессировала. — В зрчках девушки заплясали веселые чертики. — Не говори папе, пожалуйста.

Вийон отчетливо ахнул на плече Нэя. Кажется, и безмозглые големы были поражены. Плебейка корчит из себя ведьму, используя домашнюю животину вместо прислуги? Творец Рек, куда катится этот мир?

— Ты же понимаешь, — сказал Нэй, — что я — один из тринадцати колдунов Полиса? Что я могу доложить не твоему паршивому отцу, а лично милорду?

— Ой! — притворно испугалась Лита. — И что он сделает? Отнимет ночной горшок? У нас нет лодки, нет лошади, нет прав. Все, что у нас можно было отобрать, отобрал ты.

Никто никогда не разговаривал с учеником Уильяма Близнеца подобным тоном. Огорошенный Нэй сохранил напускное спокойствие. Он извлек из кармана кулон — и Лита охнула, подскочив. На цепочке раскачивался артефакт, от которого веяло непостижимой древностью: железная, лакированная Человекомышь, божество тех, кто населял землю до Потопа. Человекомышь имела круглые уши и круглые белые пуговицы на укороченных штанах, два пальца четырехпалой лапы были оттопырены: Человекомышь благословляла канувшую в вечность паству, как кардинал Галль — прихожан в церкви Распятого.

— Отдай! — заверещала Лита.

Нэй бросил ей кулон. Девушка схватила железную фигурку и прижала к губам. Недоверчиво спросила:

— Ты мне ее возвращаешь? Но почему?

— Не вижу никакой ценности.

— Не видишь? Тогда с какой стати ты отправился за мной?

Нэй задумчиво погладил Вийона по холке.

1. ЧРЕВО КИТА

— Чтобы получить разрешение на выезд из Полиса. Я солгал министру, что ты нужна Гармонии. Что, живая или мертвая, ты необходима мне для исследований.

— Черепаха без панциря! На кой черт колдуну благополучного Оазиса соваться в задницу Мокрого мира?

Лита оглянулась. Справа и слева вздымались берега из каменных кубов. Дома дождей росли как грибы: темные, безлюдные, нашпигованные илом. Дожди уничтожили черепицу. Фасады растрескались. К дощатым причалам спускались источенные водой ступени. Зеленоватые цепи бряцали на ветру. Кто обитал там? Рыбы-зифы с клювами острее клинков? Падкие до человеческого мяса осьминогулки?

Потопленный город вонял смертью. Река оделась в чехлы каналов, которые разветвлялись и сужались с каждым гребком весел. Светильник тщетно противостоял мраку. Тьма смыкалась позади лодки. И мерещилось, что кто-то ходит по набережной высоко вверх.

Это здесь, — шепнул Вийон.

— Куда мы плывем? — тихо спросила Лита.

— Небольшой крюк, — промолвил Нэй. — Ты когда-нибудь бывала в библиотеке?

Туман сгущался, скрадывая улицы. Он пах мокрыми тряпками и оседал холодной росой на щеках путников. Вязкие щупальца трогали лодку, как руки слепых. Казалось, это призраки утопленников встают из воды.

Лита обеспокоенно озиралась по сторонам. Нэй вглядывался в оконные проемы серых, укутанных мглой зданий. Притих Вийон. Паук-туман сплел коконы, сети для приبلудившихся рыб. Стены взмывали над головами. В круглых отверстиях шлюзов роились водяные блохи.

— Ты точно хочешь читать? — спросила Лита.

Коллеги Нэя корпели в норах, среди глиняных и фарфоровых банок, клистиров, электуариев и линиментов, смешивали лаванду, майоран и помет летучих мышей, добавляли в колбы ртуть и гусиный жир. Не рисковали ничем, кроме репутации.

— Я не собираюсь читать, — ответил Нэй.

Здания расступились, высоко справа проплыл рыбий пузырь храмового купола с каменным стражем на вершине, безголовым и безруким. В тумане угадывались очертания труб, выступы террас, слоновьи ноги колоннады. В темном небе надсадно кричали чайки. Канал снова сузился.

— Что ты сказал? — спросила Лита.

— Я сказал, что не собираюсь читать.

— А зачем тогда, к черту речному, ты...

Что-то ткнулось в плоское подбрюшье гондолы, протянуло, и Лита, охнув, вцепилась в борт.

— Мост, — сказал Нэй с тайным удовлетворением.

— Откуда ты знаешь? Может, кракен!

Нэй покачал головой.

— Тесновато здесь кракену будет. Да и мозгов у них не хватает для игр. Сразу — хватать и в клюв.

— Ах, я и забыла, с кем выбралась на прогулку. Убийца кракенов! Брешут ведь, а?

Нэй смотрел на девушку. О его битвах с кракенами рассказывали детишкам Полиса на ночь. Сколько было правды в историях, которые звучали в роскошных залах и грязных комнатенках, одному Творцу Рек известно. Но правда была. Вот только зачем ему отстаивать правду перед наглой простолюдинкой?

— Пустил слушок, чтобы девок охмурять? — не унималась Лита. — И сколько ты убил кракенов?

Он не успел ответить — и не собирался. — Пухлые губки родили новый вопрос:

— А правда, что кракен переваривает лодку за три прилива?

1. ЧРЕВО КИТА

Он промолчал.

— Ты их сабелькой колешь? Большая у тебя сабелька!

Она поняла по его глазам, что перебарщивает, — сложила губки бантиком.

— Нет, я серьезно. Как убить кракена?

— Остановить его сердца, — серьезно сказал Нэй и отдал мысленную команду гондольерам. — Все три.

Вздернутый нос лодки, которым раньше примерялись к высоте мостов, а теперь разве что к перемычкам между старыми зданиями, повело влево, в тайны и запахи еще более тесного канала. Весла скрипели в форколах. Гондола двигалась едва ощутимыми толчками. Лампа-кристалл растакивала грязную дымку.

Вийон на плече колдуна поводил раздвоенным носом — вынюхивал магические метки.

— А сердце кракена черное? — спросила Лита. — Как и его какашки? А...

— Тише, — сказал Нэй.

В голове застрекотал голос ласки. Нэй оборвал нить заклятия — на гондолу обрушилось комариное облако — и сплел другую.

Увидел впереди по левому борту прямоугольный контур из фосфоресцирующих точек — помета водяных крыс, его лазутчиков. Крысы пометили широкое окно, разделенное пилястрой на проемы и закрытое потемневшими бронзовыми ставнями; окно обрамляла острая арка.

Он нашел библиотеку.

Но сначала ее нашли крысы, натасканные Нэем на запах колдовства. Крысам не нужен пропуск, чтобы оказаться за пределами Сухого Города, — им достаточно канализационных труб. Нэй обучил крыс единственному запаху — магии повторения.

Он искал больше пяти лет. С того самого дня, как Река унесла тело Уильяма Близнеца.